

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.06

Правильная ссылка на статью:

Дмитриев А. В., Воронов В. В., Михайлова Е. А. Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 97—124. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.06.

For citation:

Dmitriev A. V., Voronov V. V., Mikhaylova E. A. Predictive modelling of inter-ethnic relations in Russian regions based on the analysis of identity strategies of Diaspora and ethnic communities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 6. P. 97—124. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.06.

А. В. Дмитриев, В. В. Воронов, Е. А. Михайлова
ПРОГНОЗНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА
ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ
ДИАСПОРНЫХ И ЗЕМЛЯЧЕСКИХ ГРУПП

ПРОГНОЗНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ НА ОСНОВЕ
АНАЛИЗА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ
СТРАТЕГИЙ ДИАСПОРНЫХ И ЗЕМЛЯЧЕ-
СКИХ ГРУПП

PREDICTIVE MODELLING OF INTER-ETH-
NIC RELATIONS IN RUSSIAN REGIONS
BASED ON THE ANALYSIS OF IDENTITY
STRATEGIES OF DIASPORA AND ETHNIC
COMMUNITIES

ДМИТРИЕВ Анатолий Васильевич — член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Группы конфликтогенности миграции, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

E-MAIL: mig@isras.ru

ORCID: 0000-0002-7175-0058

Anatoly V. DMITRIEV^{1,2} — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding Member; chief researcher, head of the Group of conflicts migration

E-MAIL: mig@isras.ru

ORCID: 0000-0002-7175-0058

¹ Russian Academy of Sciences

² Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ВОРОНОВ Виктор Васильевич — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; ведущий исследователь Института гуманитарных и социальных наук, Даугавпилсский университет, Даугавпилс, Латвия.

E-MAIL: viktor.voronov@du.lv

ORCID: 0000-0002-1022-3692

МИХАЙЛОВА Елена Александровна — кандидат социологических наук, директор по исследованиям Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия; доцент кафедры социологии и гуманитарной культуры, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (НИЯУ МИФИ), Москва, Россия.

E-MAIL: socio-expert@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4509-9337

Аннотация. В статье исследуется стратегическое взаимодействие социально-этнических групп в регионах полиэтнической России. Установлено, что диаспоры и землячества, наряду с остальным местным населением, являются активными субъектами (актерами) региональных социумов и существенно влияют на все стороны жизни в регионах. Сложная структура взаимоотношений разных акторов, характеризующихся многомерной идентификацией, определяет социально-идентификационные особенности конкретного региона, но при этом и определяется ими. Поэтому адаптация и интеграция мигрантов,

Viktor V. VORONOV^{3,4} — Dr. Sci. (Soc.), Professor, leading researcher

E-MAIL: viktor.voronov@du.lv

ORCID: 0000-0002-1022-3692

Elena A. MIKHAILOVA^{5,6} — Cand. Sci. (Soc.), Director of Special Programs; Associate Professor, Chair of Sociology and Humanitarian Culture

E-MAIL: socio-expert@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4509-9337

³ Centre regional sociology and conflictology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

⁴ Institute of Humanities and Social Sciences of Daugavpils University, Daugavpils, Latvia

⁵ Russia Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

⁶ National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia

Abstract. The article explores the strategic interaction of socio-ethnic groups in the regions of polyethnic Russia. It is established that the diasporas and ethnic communities, along with the rest of the local population, are active subjects (actors) of regional societies and significantly affect all aspects of life in the regions. The complex structure of relationships, different actors, characterized by multidimensional identification, on the one hand determines the social-identity features of a particular region, and on the other — is determined by them. Therefore, the processes, adaptation, integration, diasporas and compatriots in regional societies are a bilateral process

диаспор и землячеств в региональных социумах — двусторонний процесс, включающий экстерииоризацию ценностных ориентиров, норм и правил региональных и местных сообществ с учетом интересов диаспорных и земляческих групп, с одной стороны, и интериоризацию этих ориентиров, норм и правил в диаспорах и землячествах — с другой, на основе общероссийской идентификации. Исследование такого двустороннего процесса осуществлено на основе разработки социокультурных этнических моделей: примордиалистской, конструктивистской и инструменталистской. Определено соотношение выявленных идентификационных стратегий, их роли в оптимизации этно-групповой и социально-территориальной идентичности в контексте общероссийской национальной безопасности.

Ключевые слова: этнокультурные модели, идентификационные стратегии, диаспоры, землячества, миграция, адаптация мигрантов, интеграция мигрантов

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00093 «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп)», Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

that includes the externalization of value orientations, norms and rules of regional and local communities, taking into account the interests of diaspora and land groups on the one hand, internalization of these landmarks, norms and rules in diasporas and on the basis of all-Russian identification. The research of this bilateral process was carried out on the basis of the development of socio-cultural ethnic models: primordial, constructivist, instrumentalist. The ratio of identified identification strategies, their role in optimizing ethno-group and social-territorial identity in the context of national security is determined.

Keywords: ethno-cultural models, identification strategies, diasporas, communities, migration, adaptation and integration of migrants

Acknowledgment. The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project no. 15-18-00093 «Predictive model of inter-ethnic relations in Russian regions (based on an analysis of the identification strategies of diaspora and fellow countrymen), Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Поликультурное и полиэтническое многообразие Российской Федерации обуславливает формирование рисков доминирования отдельных этнических групп на локальных территориях, в отдельных секторах экономической деятельности. Степень закрытости этнических групп, определяющая характер и интенсивность коммуникаций их членов с внешней средой, успешность процессов интеграции и адаптации этнических мигрантов — факторы, определяющие уровень потенциальной межнациональной конфликтности на базе рассогласования интересов различных акторов на региональном уровне. При этом процессы адаптации и интеграции, воспроизводства ценностей и взаимообогащения культур носят двусторонний характер: включают как экстерииоризацию ценностных ориентиров, норм и правил региональных и местных сообществ с учетом интересов диаспорных и земляческих групп, так и интериоризацию этих ориентиров, норм и правил в диаспорах и землячествах на основе общероссийской идентификации.

В рамках исследования было выделено две ключевые категории для анализа: диаспоры и землячества. Диаспора — этническая группа, составляющая население одного из государств, входивших в Советский Союз или иного государства, в настоящее время проживающая дисперсно или компактно вне страны своего происхождения в разных российских регионах. Землячество — этническая группа, имеющая общность происхождения из другого российского региона (автономии, республики в составе Российской Федерации), проживающая вне региона своего происхождения (дисперсно или компактно).

Перед этносоциологией стоит задача выявления факторов, доминирующих в вопросах прогнозирования и предотвращения рисков роста социальной напряженности и конфликтности в поликультурных средах, а также разработки управленческих моделей, позволяющих исключить дискриминацию по признаку этнической принадлежности. В условиях повышения интенсивности миграционных потоков особо важно понимать, каким образом положение отдельных этнических групп в принимающей среде может отразиться на успешности процессов адаптации и интеграции. Социальное моделирование как метод системного исследования позволяет учитывать весь спектр факторов, влияющих на успешность моделей взаимодействия диаспор и землячеств с внешней средой с учетом социоэкономических и социокультурных особенностей практик региональных акторов. Выделенные на основании анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп факторы, описанные в данной работе, могут выступать в качестве определяющих при прогностическом моделировании межэтнических отношений.

Представленные в работе выводы базируются на результатах комплексного исследования, проводившегося в 2015—2016 гг. в следующих пилотных макро-регионах: Тюменской области (Западно-Сибирский регион), Нижегородской области (Приволжский регион), Краснодарском крае и Республике Адыгея (Южный регион). Исследование включало в себя экспертный опрос референтных групп, в качестве которых выступали представители региональных органов власти, научного сообщества, лидеры диаспор и землячеств, представители СМИ в каждом из регионов опроса (всего 134 интервью), а также 37 фокус-групповых интервью с представителями диаспор и землячеств. При анализе результатов учитывались статистические данные и содержащаяся в открытом доступе информация о ко-

личестве и составе формально зарегистрированных в регионах национально-культурных общественных организаций (диаспор и землячеств).

Теоретико-методологическая база исследования. В качестве базового принципа построения прогнозной модели выступало получение предварительного знания об изучаемом объекте путем сопоставления его с уже изученными аналогичными объектами (как с моделью). В классическом труде У. Томаса и Ф. Знанецкого [Thomas, Znaniecki, 1996] по проблемам адаптации мигрантов было показано, что при адаптации мигрантов первым делом возникает потребность в самоорганизации. Самоорганизация мигрантов на принимающих территориях осуществляется по моделям, привычным для соответствующей этнокультурной среды. Так, мигранты из Средней Азии (Узбекистана и Таджикистана) в целях неформальной самоорганизации на российских принимающих территориях используют модель традиционной соседской общины «махалла», в рамках которой решаются насущные вопросы обустройства, взаимодействия с властями, организации ключевых событий привычного цикла жизни, обеспечение местами совместного проведения досуга и общения, а иногда и молельными домами [Маликова, 2017]. Организованная таким образом община уже не является собственно территориальной, она существует скорее как сетевое сообщество, однако коммуникации между его членами скорее могут быть охарактеризованы как «соседские» (хотя члены этого сообщества не обязательно должны быть соседями в прошлом или на сегодняшний день). Внутренние мигранты из российских республик Северного Кавказа самоорганизуются по модели семейно-родственного клана (хотя члены таких сообществ могут не иметь между собой родственных связей). Это сетевое сообщество, но структурно и функционально организованное, как большая традиционная семья. Понимание внутренней организации и принципов функционирования неформальных сообществ мигрантов с учетом того, какие *этнокультурные модели* самоорганизации лежат в основе деятельности этих сообществ, во многом помогает выработке эффективных форм взаимодействия мигрантов и властей принимающего сообщества.

Становятся актуальными модели самоорганизации мигрантских сообществ, основанные на бытующих в их общественном сознании объединяющих принципах. Эти принципы достаточно изучены в отечественной и зарубежной антропологии и этнической социологии, но не в качестве феноменов этнического самосознания, а как парадигмы теоретического описания феномена этничности в разных научных школах. На уровне повседневности они выступают моделями этнической самоорганизации, основанными на трех принципах идентификации по этническому признаку, которые в разное время были разработаны отечественными и зарубежными учеными (см., например: [Бромлей, 1983; Тишков, 1990; Янг, 1994]).

Примордиалистский подход [Савва, 1997: 172], сторонники которого рассматривают нации как данность, а принадлежащих к одной этнической общности индивидов — как изначально обладающих неким особым, обуславливающим их поведение устойчивым набором культурных свойств, предполагает рассмотрение этнической группы по аналогии с большой семьей. Сама общность структурно и функционально выстраивается по типу большой семьи с отчетливой иерархией старших и младших (что не обязательно может соответствовать физическому воз-

расту акторов, а скорее отражает их статус в сообществе). В отношении с внешним миром, в частности, с принимающим сообществом, подчеркивается безусловный приоритет лояльности своей группе по сравнению с лояльностью принимающему обществу. Как правило, такая общность в принимающей среде существует как относительно закрытая для посторонних система, взаимодействующая с принимающим обществом как единый организм, даже если речь идет о частных, межличностных формах взаимодействия или конфликта. Важно, что потенциальная успешность интеграции и адаптации самоорганизованных таким образом групп мигрантов снижается в силу их внутренней закрытости и самодостаточности, и это приводит к снижению интенсивности коммуникаций с представителями принимающей среды. Этнические общности России, в общественном сознании которых доминирует примордиалистская модель этнического самосознания, могут осваивать современные демократические институциональные принципы самоорганизации, активно используя институциональную матрицу большой традиционной семьи.

Конструктивистский подход [Тишков, 1993] основан на представлении об общности этнокультурных стандартов (включая нормы религиозного поведения), признаваемых на данный момент характерными и типичными для представителей данной этнической группы. Этническая идентификация рассматривается в рамках данного подхода как интеллектуальный конструкт, используемый политическими элитами для этнической мобилизации. В этом случае высока вероятность утраты культурными стандартами функций реальных норм поведения и их превращения в некие символы принадлежности, имеющие ограниченную сферу обязательной реализации (например, только в ситуации этнических (и религиозных) праздников, ритуалов цикла жизни — свадьбы, похороны и т. п.). Перспективы интеграции групп мигрантов, самоорганизованных по такой модели, наиболее оптимистичны: постепенно сокращается социальная дистанция в результате размывания символических демаркационных границ между представителями данных этнических групп и принимающей среды.

Инструменталистский подход [Гражданские, этнические..., 2006: 76] к анализу этнической самоидентификации предполагает, что сам по себе факт принадлежности к данной этнической (или расовой) группе может использоваться как эффективный ресурс личностного, карьерного, политического и/или экономического роста. Эта модель этнической самоидентификации актуальна в ситуациях, когда этническая принадлежность человека становится его социальным капиталом, который можно конвертировать в доступ к экономическим, политическим и другим ресурсам общества. Как правило, такая ситуация складывается при формировании этно-экономических ниш в структуре региональных экономик. Активизация инструменталистской стратегии приводит к упрочению этнических перегородок в обществе, подкреплению значимости национальной категоризации в конкурентной борьбе, увеличению рисков этнического противостояния внутри меньшинств, между отдельными меньшинствами и этническим большинством. Инструменталистская стратегия этнической идентификации усиливает процессы обособления этнических меньшинств в случае капитализации этничности, способствует эксплуатации этнической принадлежности в качестве дополнительного (а иногда и решающего) ресурса социальной мобильности. Так,

для второго десятилетия XXI века характерна активизация инструменталистской идентификационной стратегии в религиозной сфере.

Перечисленные подходы к анализу процессов самоорганизации этнических групп относятся прежде всего к процессам стихийной, неформальной самоорганизации приезжих на принимающих территориях. Однако принципы стихийной самоорганизации могут существенно отличаться (или соответствовать) от принципов организации соотечественников на институциональном уровне различных национально-культурных объединений.

Принимающее сообщество может иметь свои вариации стратегий собственной этнической идентификации, облегчающие или затрудняющие интеграцию «новых» иноэтничных мигрантов. Согласно проведенным сотрудниками Института социологии РАН исследованиям, лишь около 39% русских придерживаются примордиалистских взглядов на свою национальную общность [Кузнецов, 2017: 58—80].

Указанные этноидентификационные стратегии в реальных региональных социумах не существуют в «чистом» виде и имеют особенности у разных этнических групп [Воронов, Дмитриев, 2016: 62]. Все это обусловило потребность в разработке региональных прогнозных моделей развития межэтнических отношений с учетом перечисленных выше идентификационных характеристик конкретных этнических групп.

Идентификационные стратегии и этнокультурные модели взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением в пилотных регионах. Результаты, полученные при проведении исследования в пилотных регионах, показывают, что в принимающих сообществах доминирует интеграционная стратегия этнической идентификации для иноэтнических приезжих [Воронов, Дмитриев, 2016: 60—65].

1. Региональные модели этнической самоорганизации

Согласно заявленным в проекте задачам, сформулированы прогнозные модели развития межэтнических отношений для трех пилотных регионов: Западно-Сибирского региона (Тюменская область с автономными округами), Южного (Краснодарский край с Республикой Адыгея) и Приволжского регионов (Нижегородская область). Внутри каждой региональной модели проанализированы роли выявляемых идентификационных стратегий в обеспечении общественной безопасности и стабильности региона.

— **Западносибирская модель (Тюменская область)**

Основные характеристики определены на основании анализа ситуации в Тюменской области (включая ХМАО-Югру и ЯНАО). По данным на начало 2016 г. в Тюменской области проживали 3 млн 398 тыс. чел., в том числе в ХМАО — 1 млн 627 тыс. чел., в ЯНАО — 537 тыс. чел. По этническому составу преобладают: русские — 2 млн 352 тыс. чел. (более 73% населения), татары — 240 тыс. чел. (7,5%), украинская диаспора — 158 тыс. чел. (5%), башкиры — более 46 тыс. чел. (1,4%) и азербайджанская диаспора — около 44 тыс. чел. (1,4%). Если в субрегионе ХМАО соотношение этнического состава народонаселения примерно такое же, и лишь дагестанское землячество (32,5 тыс. чел.; 2,2%) опережает азербайджанскую

диаспору, то в ЯНАО картина иная: русские — 312 тыс. чел. (около 62%), украинская диаспора — около 49 тыс. чел. (10%), коренное население региона — манси и ханты — составляет более 39 тыс. чел. (8%), татары — 28,5 тыс. чел. (5,6%), азербайджанская диаспора — более 9 тыс. чел. (2%). Всего в Тюменской области насчитывают 14 диаспор и 8 землячеств, представляющих 107 этносов, объединенных в группы. Основные диаспоры, независимо от институционального статуса: азербайджанская, армянская, казахская, киргизская, таджикская и украинская.

Особенностью западносибирской этнокультурной модели является отчетливая региональная конструктивистская идентификационная стратегия. С одной стороны, «здесь все неместные». Коренные народы — местная экзотика, к которой можно прикоснуться, гордость и предмет восхищения. Ямал и Югра — их земля. Русские и другие народы на этой земле — гости. Это представление хорошо закреплено среди жителей региона. У городского населения выражены миграционные стратегии, связанные не с проблемами территории, а со сформированными практиками отъезда на «большую землю», многие сохраняют связи с местами исхода. В то же время территорию в том качестве, в котором она существует сейчас, жители видят своей, а себя — местными, построившими города и поселки современного Севера, носителями определенной культуры.

Этнически разнородное принимающее сообщество на ментальном уровне воспринимается как «мы», объединяющее славянские и другие и комплементарные к ним этносы (русских, украинцев, белорусов, татар, башкир), противопоставляемое «чужим» — выходцам с Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии. Разделение между «мы» и «они» для местного населения проходит не по религиозному или национальному признаку, но по границе психологического комфорта в общении, привычности. При этом прибывающие представители этнических групп в большой степени склонны идентифицировать себя как часть местного сообщества, подчеркивать близость с русскими и другими славянскими народами (связь с этническими группами выражена в большей степени, чем связь с другими группами мигрантов).

Азербайджанская диаспора характеризуется отчетливым разделением на старожильческую и новоприбывшую. Представители старожильческой азербайджанской диаспоры сыграли заметную роль в открытии и освоении нефти и газа в регионе. Соответственно, представители старожильческой диаспоры заметнее представлены специалистами в нефтегазовой отрасли региона (инженеры, монтажники, сварщики и др.). Они декларируют стремление к интеграции с основной многонациональной массой старожильческого населения региона (преобладание русского языка при общении даже в семье, нет своих школ и т. п.). Для азербайджанцев, укоренившихся в регионе, характерна конструктивистская идентификационная стратегия, обеспечивающая эффективную интеграцию и заметно ослабляющая риски возникновения межнациональных конфликтов. Недавно приехавшие азербайджанцы больше заняты в малом (кафе) и среднем (рестораны, магазины стройматериалов, овощные базы, строительные фирмы) бизнесе.

Для прибывающих групп азербайджанских мигрантов характерны квазиприордиалистские стратегии самоорганизации, приводящие к формированию внешне закрытых сообществ, маркированных по этническому признаку. Одна

из базовых внутригрупповых норм этнической группы, в которой ярко проявляется сплоченность диаспоры, — участие в сборе денег и оказании помощи родственникам в случае чьей-либо смерти (отправка тела на родину, чтобы оно могло быть похоронено рядом с предками). Принадлежность к этнической группе приобретает отчетливые черты социального капитала, используемого в конкурентной борьбе: «В торговле — азербайджанцы, и мы никого туда не пустим» (глубинное интервью с представителем азербайджанской диаспоры).

Основные критерии для выделения из всей совокупности региональных или местных субъектов предпринимательства тех, которые могут рассматриваться как этнически маркированные:

- этническая принадлежность владельцев собственности, учредителей обществ, партнерств, кооперативов и т. д.,
- характер занимаемой предпринимательской «ниши» (например, производство, поставка и реализация этнических товаров и услуг для внутренних нужд диаспоры, а также для местного населения).

Расхождение в идентификационных стратегиях старожильческой и новоприбывшей азербайджанской диаспор провоцирует их противостояние. Давно обосновавшиеся в регионе азербайджанцы не выступают группой, способствующей обеспечению успешной интеграции и адаптации этнических мигрантов в социум: «...Мы сколько лет здесь — у нас мышление другое, более пророссийское. Ну, конечно, храним традиции, обычаи, это все остается. Но взгляды на жизнь уже российские получаются. А те, которые оттуда приезжают, они отличаются. Поэтому, честно говоря, нам проще, когда они приехали и обратно уехали» (глубинное интервью с представителем азербайджанской диаспоры). Это, во-первых, затрудняет процесс интеграции новоприбывших через уже сложившиеся диаспоры, во-вторых, провоцирует настороженное отношение населения к «выделенной» новоприезжей части азербайджанцев на все азербайджанское сообщество региона, что повышает риски роста межнациональной напряженности в регионе.

В армянской диаспоре (15,5 тыс. чел.), по мнению экспертов, нет единства и четко скоординированных действий, армяне склонны к ассимиляции, что свидетельствует о наличии конструктивистской идентификационной стратегии, приведшей к практически полной интеграции армян в основную массу населения региона.

Диаспоры народов Средней Азии (казахская, киргизская, таджикская, узбекская) в Тюменской области различаются по своим позициям. В целом численность мигрантов из среднеазиатских республик, согласно данным переписи населения, в структуре населения региона незначительна (их присутствие на территории носит сезонный характер, обусловлено вахтовой работой).

Наиболее сплоченная — казахская диаспора (более 19 тыс. чел.), ее представители есть в органах власти региона на разных уровнях. На юге области казахи занимаются в основном фермерским хозяйством, в городах предпочитают работу на государственной службе: в налоговой службе, в полиции, таможне. При этом представители диаспоры регулярно проводят культурные мероприятия в регионе, выезжают с ними в Казахстан. Казахским языком владеет меньшая часть диаспоры. Таким образом здесь мы наблюдаем вариант реализации конструктивистской

идентификационной стратегии и, как результат, эффективную интеграцию казахов в население региона без потери этнической идентичности.

Киргизская (8,6 тыс. чел.), таджикская (14,3 тыс. чел.) и узбекская (14,7 тыс. чел.) этнические группы представлены в основном трудовыми мигрантами, работающими на стройках, в торговле стройматериалами. Представители этих культур — относительная новация в регионе, пока они воспринимаются как «чужие». Однако здесь мы можем ожидать реализацию оптимистического сценария интеграции в принимающее население за счет выраженности, по крайней мере на институциональном уровне, реализации конструктивистской идентификационной стратегии. Представители диаспор проявляют активность в проведении национальных культурных мероприятий в регионе — устраивают праздники, концерты, спортивные соревнования и др. Кроме того, для мигрантов указанных этнических групп возможна реализация примордиалистских идентификационных стратегий, обусловленных распространенными сценариями миграции в регион через сети родственных и соседских связей.

На восприятие принимающим населением мигрантов, представляющих данные этнические группы, влияют высокий уровень социальной дистанции и особенности адаптационных моделей (в том числе касающиеся обустройства быта и завоевания специфических ниш на рынке труда), вызывающие раздражение: *«Вот про магазины... Молдавия, Киргизия, они по-русски два слова не могут связать, они не могут сказать о качестве товара. Или, смотрите, есть общедомовой счетчик, в квартире прописано 2 человека, а их там живет 15 человек, чтобы дешевле было. За 13 человек расплачиваются жильцы дома — и за свет, и за воду, и за канализацию, и за слив, и за мусор, за все»* (глубинное интервью с представителем татарского землячества).

Землячества народов Северного Кавказа — дагестанское (аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, др. — 22,5 тыс. чел.) и чеченское землячества. Как и в азербайджанской диаспоре, мы наблюдаем старожильческую и новоприбывшую группы. Старожильческая ведет отсчет проживания в регионе с 1970-х гг. — начала активного освоения Тюменского Севера. Представители новой волны внутренних мигрантов из Дагестана в настоящее время заняты в малом и среднем бизнесе: транспортные услуги (перевозки), строительные фирмы, частные охранные предприятия (для магазинов, ресторанов). Дагестанцы (как и чеченцы с ингушами) реализуют отчетливую примордиалистскую идентификационную стратегию, что делает их наиболее сплоченными этническими группами в регионе. При этом характер их занятости способствует отчетливой капитализации этнической принадлежности: *«Любой чеченец приезжает в любое место, хоть на Дальний Восток, хоть куда, первым делом ищет земляков... стараемся друг другу помогать, у нас просто воспитание такое»* (глубинное интервью с представителем чеченского землячества).

Для дагестанского землячества, как и для украинского, характерна множественность исходных самоидентификаций. В одних случаях этническая дробность, характерная для населения Дагестана, не воспроизводится в региональных сообществах — дагестанцы выступают как сплоченные общины, позиционирующие себя в регионах как дагестанцы. Внутри дагестанской общины, в отличие от азерб-

байджанской и украинской, не обнаружено напряженности во взаимоотношениях «старожилов» и «вновь прибывших». Более того, по свидетельству представителей землячества, проживание на Ямале и в Югре нивелирует этнические и иные различия, существующие в Дагестане. Доминирующей становится идея объединения народностей из Дагестана и добровольная помощь нуждающимся.

Однако возможны и другие стратегии, при которых в качестве базовых группопобразующих факторов для разных этнических общин (лезгинской, ногайской, даргинской и т. п.) или земляческих сообществ выступают общие интересы или принадлежность к одной возрастной когорте: *«Есть такие группы, где дружба с родины с одной, у них там родители, здесь тоже общаются, собираются вместе, ну такие мини-общины»* (глубинное интервью с представителем дагестанского землячества).

В последние годы численность дагестанского землячества не увеличивается, в то же время возрастает численность отдельных этнических групп (ногайцев, кумыков), что является результатом специфического механизма рекрутинга трудовых мигрантов через родственные связи: *«В основном на Север и раньше приезжали кумыки и своих родственников затащивали: брат брата вызывает сюда, дядю»* (глубинное интервью с представителем дагестанского землячества).

Для групповой этнической самоидентификации чеченцев в регионах актуальны такие критерии, как российское гражданство, сплоченность, активность, малочисленность. При этом для определения этнических групп чеченцев используется понятие «община». Выходцы из Чечни считаются экспертами одной из наиболее сплоченных этнических общин в регионе: *«Радость у нас, горе у нас — мы сплоченно поддерживаем друг друга, если человек заболел, в больнице, то мы отъезжаем все, у нас народ дружный такой...»* (глубинное интервью с представителем чеченской общины). К этой общине причисляют всех выходцев из Чеченской Республики, независимо от того, входят они в официально зарегистрированную организацию или нет, а также независимо от этнической принадлежности (определяющий фактор здесь территориальный — выезд из Чеченской Республики). Более того, уже интегрированные старожилы (по крайней мере, представители младших возрастных групп) имеют тенденцию включаться в эти сообщества, то есть теряют свой интеграционный потенциал. Изоляции и консолидации этих сообществ в немалой степени способствует настороженное отношение к ним среди местного населения, особенно молодежи.

Общая тенденция заключается в том, что «межэтнические отношения» понимаются как отношения между всем «местным» населением, включающим интегрированные этнические группы, и представителями кавказских народов. Однако у старших возрастных групп по сравнению с молодыми когортами еще чувствуются отголоски интернациональной риторики и играют роль традиции, сформированные первыми волнами освоения Севера, представления о «северянах» как особой общности с традициями добрососедства. Они чаще не сводят вопрос к противостоянию «русских» и «кавказцев», как это склонна делать молодежь, но помнят, что живут в полиэтнической среде.

Численный рост в Тюменской области выходцев с Северного Кавказа, Закавказья, из Средней Азии, постепенно замещающих татаро-башкирское население, приводит к росту межэтнических противоречий и социальной напря-

женности между недавними мигрантами и старожильческим населением, что выражается в различные рода резонансных происшествиях в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, массовом недовольстве этого населения присутствием мигрантов [Старостин, 2015]. Из интервью с представителем русской общины: *«Они не принимают законы нашего города. Они живут по своему статусу, по своим законам. Ты приехал в город, пожалуйста, принимай его законы. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. А у них свои порядки, свой менталитет. И это очень бросается в глаза»* (глубинное интервью с представителем русской общины, г. Ноябрьск).

Активный приток этнических мигрантов приводит к нарушению баланса устойчивых, в течение многих десятилетий формировавшихся межэтнических отношений, что воспринимается как «засилье» иноэтнических групп, угроза замещения базовых норм и ценностей региональной культуры. Защитные же механизмы принимающей среды не успевают реагировать на новые вызовы: пока «они» навязывают, «мы» не сопротивляемся. Кроме того, соприкосновение слишком отличных друг от друга культур, традиционной и модернизированной, приводит к непониманию и конфликтности. Воспринимаемое как вызывающее поведение молодежи из регионов Северного Кавказа, высокий уровень сплоченности северокавказской молодежи вызывают неудовлетворенность коренного населения и связываются с рисками вытеснения коренного населения из отдельных экономических сфер. Неудовлетворенность вызывают также посягательства этих групп этнических мигрантов на блага, принадлежащие местному населению (рабочие места, жилье, социальная инфраструктура — детские сады, поликлиники), отсутствие у них полноценных навыков работы, низкая оценка деловых качеств «новоприбывших».

Риски роста межнациональной напряженности связаны с наличием культурных барьеров, приводящих к дискомфорту при повседневных коммуникациях, формированию ощущения «захвата» публичного пространства и потере предсказуемости. Как правило, основным источником неудовлетворенности ситуацией становятся внутренние мигранты из регионов Северного Кавказа, активная социализация которых проходила в постперестроечный период. Их манера поведения в публичных местах доставляет дискомфорт, происходит своеобразное нарушение общественного консенсуса, в местах отдыха молодежи создается атмосфера конкуренции и конфликта.

Увеличение притока мигрантов из регионов Северного Кавказа при низкой численности представителей данных групп в устоявшейся системе этнических связей в регионе и нарастающей социокультурной дистанции приводит к субъективному преувеличению реальной численности представителей кавказских народностей в регионе местным населением: *«Приходишь в муниципальные организации, в соцзащиту — стоят одни кавказцы. Раньше говорили — понаехали сюда, а теперь уже говорят, что это не мы наехали, это вы не успели отсюда уехать»* (фокус-групповое интервью с представителями этнических русских в регионе). С рисками для принимающего сообщества связывается высокая сплоченность прибывающих групп при низком уровне консолидации русского населения: *«Чувствуют себя хозяевами. И надо отдать должное, они всегда дружные, друг друга поддерживают,*

за одного сразу сто человек, а мы разобщенные все» (фокус-групповое интервью с представителями этнических русских в регионе).

Старшее поколение и интегрированные в местный социум представители северокавказских этнических землячеств подчеркивают, что поступки новоприбывших не имеют ничего общего с традиционной культурой их этносов. Славянское население воспринимает живущих в своем городе выходцев из регионов Северного Кавказа как более гомогенную группу, чем она в действительности является: *«Молодежь, которая приехала из нашей стороны, и вообще — с любой стороны, это «залетные». Весь этот бардак происходит из-за них, из-за «залетных». Сейчас на нашу молодежь даже как-то стыдно смотреть» (глубинное интервью с представителем дагестанского землячества).* Лейтмотивом звучит тема «дикости», отсутствия воспитания и т. п.

В целом среди северокавказских мигрантов доминирует примордиалистская идентификационная стратегия с явно выраженными признаками инструментальности, то есть капитализацией этнической принадлежности. Это делает указанные этнические сообщества внутренне консолидированными, закрытыми, с четко прописанными поведенческими маркерами принадлежности к этим сообществам, что в целом крайне затрудняет интеграцию представителей этих сообществ в принимающую среду.

В целом западносибирская прогнозная модель межэтнических отношений характеризуется отчетливо проявленной конструктивистской идентификационной стратегией диаспорных сообществ, соответствующей такой же идентификационной стратегии местного многонационального населения, что делает возможной интеграцию новоприбывших в культуру местного населения по оптимистическому сценарию в том случае, если будет целенаправленно задействован интеграционный потенциал старожильческой части этих диаспор и снизится вероятность капитализации этничности «новой части» этих диаспор. Риски межэтнических напряжений в рамках этой модели связаны преимущественно с существованием примордиалистски самоорганизованных, высоко консолидированных и высоко капитализированных, внутренне закрытых и поведенчески маркированных земляческих сообществ мигрантов из республик Северного Кавказа. Снижение этих рисков возможно за счет максимального принятия на себя местным сообществом вопросов бытового обустройства вновь прибывающих из указанных республик, контроля над поведением молодежи в тесном контакте с авторитетными представителями республик исхода и устранением коррупционных схем в экономической и правовой сфере, провоцирующих возможность капитализации этнической принадлежности. Можно предположить, что западносибирская модель развития межнациональных отношений в своих основных чертах характерна практически для всех активно развивающихся ресурсодобывающих регионов России.

— Южнороссийская модель (Краснодарский край и Республика Адыгея)

Южнороссийская этнокультурная модель изучалась на примере Краснодарского края с включением соседней Республики Адыгея. В Краснодарском крае (по данным на начало 2016 г.) проживало 5 млн 484 тыс. чел. Доминируют в регионе

следующие этнические группы: русские — 4 млн 523 тыс. чел. (более 88 % населения), армянская диаспора — 282 тыс. чел. (5,5 %), украинская диаспора — около 84 тыс. чел. (1,6 %). В Республике Адыгея после русских (около 271 тыс. чел.; 64 %) следуют адыгейцы (более 107 тыс. чел.; 25 %), затем армянская диаспора (около 16 тыс. чел.; 4 %). Всего в Краснодарском крае насчитывается 21 диаспора и 14 земляческих общин, имеющих правовой статус национально-культурных ассоциаций или объединений.

В рассматриваемом регионе свои особенности этноидентификационных стратегий имеет и принимающее русское население. С середины 1990-х годов в крае наметились и усиливаются тенденции этнизации выходцев из сословия кубанских казаков, превращения их в «новую этничность», что стимулирует развитие в принимающем обществе фактически примордиалистскую идентификационную стратегию по признаку общности происхождения из казачьего сословия Российской империи, нехарактерную для русского населения современной России. Таким образом, русское принимающее население из некоего «модератора» взаимодействия относительно четко очерченных этнических сообществ превращается в одного из субъектов этого взаимодействия, в том числе и конкурентного.

В южнороссийском регионе армянская диаспора — самая многочисленная и влиятельная, но неоднородная в социокультурном отношении. Ее статус в Краснодарском крае примерно такой же, как у азербайджанской диаспоры в западносибирской этнокультурной модели. Значительную часть армянской диаспоры Краснодарского края и Республики Адыгея составляет вполне интегрированное старожильческое население, которое фактически признается «коренным» в крае. Этноидентификационную стратегию этой части диаспоры можно признать промежуточной между конструктивистской и примордиалистской. С одной стороны, ее представители на всех уровнях открыты для взаимодействия с другими этническими группами региона (особенно русскими), активно участвуют в жизни общества, для большинства русский язык является родным. С другой стороны, армяне края представляют собой внутренне консолидированное по признаку происхождения сообщество с уровнем внутренней лояльности, практически равным или превышающим лояльность обществу, характеризующееся высоким мобилизационным потенциалом. Другую часть армянской диаспоры можно охарактеризовать как мигрантскую, образовавшуюся в процессе ряда волн переселения армян из других регионов СССР и России (спитакская волна, бакинская волна, карабахская и т. п.). Этноидентификационную стратегию этой части армянской диаспоры можно квалифицировать как скорее примордиалистскую, консолидированную по таким признакам, как волна миграции и территория (место) исхода.

Армянская диаспора лидирует среди других этнических сообществ во властных структурах, в экономико-финансовой сфере региона за счет трудолюбия своих представителей, их профессиональной квалификации и солидарности. Вместе с тем региональные эксперты отмечают негативные (в межэтническом аспекте) социальные качества армянской диаспоры: «с армянами договориться невозможно». Этим они отличаются от «уживчивых» русских, казаков, адыгейцев — других значимых этнических групп и общин региона.

Адыгейцы (около 14 тыс. чел. в крае и более 107 тыс. чел. в Адыгее) представлены в силовых структурах, органах государственной власти края и в Республике Адыгея на разных уровнях. Адыгейцы работают в разных сферах: в производстве, сельском хозяйстве, науке, образовании, медицине и т. д. Занимаются предпринимательством, чаще строительством. Представители общины отмечают дискриминацию их прав и интересов, прежде всего — в вопросах воспроизводства родного языка и культуры: «...Нет ни одной школы в крае, кроме Адыгеи, где бы адыгейский язык преподавался, нет программы обучения. Лишь факультативно или в виде частных уроков» (глубинное интервью с представителем адыгской общины). Идентификационную стратегию адыгейского сообщества (как и других адыгских сообществ России — черкесов, кабардинцев, шапсугов) можно назвать в основном примордиалистской, но с отчетливо проявленными чертами конструктивистской стратегии. Адыги (в отличие, например, от вайнахских землячеств) не составляют на территории России внутренне закрытых жестко консолидированных общин, относительно легко интегрируются в поведенческие стандарты принимающих сообществ без потери своей этнокультурной идентичности.

Чеченцы (около 3 тыс. чел.) имеют две общины в крае: в Краснодаре и в Сочи. Общины сплоченные, позиционируют себя самостоятельными субъектами в межэтнических отношениях. Члены общины активно представлены в бизнесе — малом (кафе, рестораны, гостиницы) и среднем (торговые центры, строительство). Социальные позиции общины устойчивы: есть свои СМИ, центры национальной культуры, проводятся спортивные мероприятия для молодежи и т. д. Идентификационная стратегия чеченских общин отчетливо примордиалистская с признаками инструментализма — так же, как и в западносибирской этнокультурной модели.

Диаспоры народов Средней Азии (таджикская — около 2 тыс. чел., узбекская — 3,5 тыс. чел.) в южнороссийском регионе представлены в основном трудовыми мигрантами различной профессиональной квалификации, занятыми в строительстве и торговле. По мнению представителей этих диаспор, их сообщества организовываются для помощи в адаптации соотечественникам, однако фактически их целью является получение дополнительной прибыли за счет оказания посреднических услуг при регистрации и трудоустройстве соотечественников. Идентификационная стратегия этих сообществ остается конструктивистской, но с тенденциями превращения в примордиалистскую, консолидированную по признаку этнической и/или религиозной принадлежности.

На практики взаимопомощи в этих диаспорах оказывают влияние как ментальные особенности, так и степень внутригрупповых связей. Так, исходя из полученных данных, обратиться за помощью к более успешному соотечественнику узбекам сложнее, чем адыгейцам, что указывает на сохранение конструктивистской идентификационной стратегии, не предполагающей взаимных социальных обязательств по признаку этнической принадлежности.

В итоге можно определить следующие характерные особенности южнороссийской прогностической модели межнациональных отношений. Во-первых, этносоциальная структура в рамках этой модели характеризуется наличием внутренне консолидированных этнических сообществ с более или менее отчетливо

проявленными примордиалистскими этноидентификационными стратегиями, но с признаками конструктивистских стратегий. Между сообществами существует относительно низкая социально-культурная дистанция, для представителей разных этнических сообществ не является проблемой завязывание тесных дружеских, коллегиальных и соседских связей. Диссонанс составляет лишь недавно выросшая в крае до заметных размеров чеченская община как сравнительно более закрытая и неинтегрированная в региональную культуру взаимодействия. Во-вторых, русское принимающее большинство, в отличие от других рассмотренных региональных моделей, не играет роли своеобразного «плавильного (интеграционного) культурного котла», или «модератора» этнических взаимодействий, а выступает как один из главных субъектов этого взаимодействия. Таким образом, предельная форма интеграции в этой модели — выработка и поддержание позитивного баланса взаимоотношений этнически определенных внутренне консолидированных групповых субъектов. В-третьих, прогноз конфликтных сценариев межнациональных отношений в рамках региональной этнокультурной модели преимущественно обусловлен нарушением устоявшегося баланса межгрупповых взаимодействий и ломкой сложившихся этносоциальных границ, особенно в экономике и структурах региональной власти. Негативные сценарии могут быть связаны с попытками представителей относительно новых для региона чеченских общин сформировать свою экономическую и социальную нишу за счет нарушения сложившихся этноэкономических границ (в частности, посредством вытеснения из отдельных сегментов экономической деятельности армянской диаспоры). В целом южнороссийская модель межнациональных отношений с небольшими вариациями в конкретных этнических акторах характерна для всех регионов Южного федерального округа (но менее конфликтна, чем в Северо-Кавказском федеральном округе).

— **Приволжская модель (Нижегородская область)**

Исследование приволжской этнокультурной модели проводилось на примере Нижегородской области с населением 3 млн 276 тыс. человек. Здесь по этническому составу заметно преобладают: русские — 3 млн 110 тыс. человек (95 %) и татарская община — более 44 тыс. чел. (1,4 %). Украинскую диаспору представляют более 19 тыс. чел. (0,5 %), армянскую — более 13 тыс. чел. (0,4 %), азербайджанскую — более 8 тыс. чел. (0,3 %). Всего в Нижегородской области насчитывается 21 диаспора и 17 землячеств/общин в правовом статусе национально-культурных ассоциаций или объединений.

Своеобразие этнодемографической ситуации Нижегородской области заключается в том, что, с одной стороны, по существующим международным стандартам область является типично моноэтническим образованием (численность русского населения составляет 95 %), с другой стороны, здесь проживают представители более ста других национальностей и этнических групп. К числу коренных народов Нижегородской области относятся русские, татары, мордва, чуваша, марийцы.

На развитие межнациональной ситуации в регионе оказывают влияние и внешние факторы. Во-первых, это миграция выходцев из северокавказских республик (Дагестан, Ингушетия, Чечня), образующих на основе примордиалистской

идентификационной стратегии внутренне высоко консолидированные, закрытые землячества, что сказывается на их слабой интеграции в принимающее местное сообщество. Эти землячества/общины имеют заметную тенденцию к капитализации своей этничности, что приводит к формированию закрытых для посторонних этноэкономических и этносоциальных ниш. Это проявляется в том, что на первое место выдвигаются не социальные качества человека (трудовая активность, убеждения, цели жизни и т. д.), а лояльность маркерам этнической принадлежности (поведенческие особенности, обычаи взаимодействия и т. д.), что противоречит базовым ценностям и нормам принимающего сообщества. Наибольшее раздражение и неприязнь коренных жителей вызывают манера поведения и общения приезжих, создание ими закрытых сетевых анклавов. Более трети жителей области, по данным региональных экспертов, раздражает активная демонстрация национальных и религиозных обычаев и традиций, что воспринимается как нарушение границ сложившегося культурного пространства. Факторами неприязни выступают также внешний вид, плохое знание русского языка и клановость национальных диаспор и землячеств.

Во-вторых, это интенсивный приток внешних мигрантов из республик Средней Азии. Диаспоры народов Средней Азии (киргизская, таджикская, узбекская) в Приволжском регионе позиционируют себя как трудовые мигранты средней и низкой профессиональной квалификации. Они заняты преимущественно в строительстве, в сфере общепита (кафе и т. п.), работают водителями, занимаются малым бизнесом в сфере торговли, реже работают наемными работниками производственных предприятий.

Диаспоры народов Закавказья различны по своему положению в регионе. Наиболее сильные позиции у азербайджанской и армянской диаспор, наиболее слабые — у грузинской. Это связано с тем, что азербайджанцы и армяне проживают на территории региона несколько сот лет и укоренились здесь, не теряя связей со своей исторической родиной. Азербайджанская диаспора составляет более 8 тыс. чел., ее члены широко представлены в силовых структурах, в полиции региона, но очень мало — в местных органах власти. Азербайджанцы принимают участие во многих видах малого и среднего бизнеса. Например, в Нижнем Новгороде они доминируют в цветочном бизнесе. Армянская диаспора активно проявляет себя в среднем (кафе, рестораны) и крупном (дорожное строительство) бизнесе. Представители диаспоры есть во всех сферах деятельности: в органах муниципальной и региональной власти, правоохранительных органах, в науке, медицине, образовании и др.

Стратегия поведения вновь прибывших во многом коррелирует с целью их пребывания: приехавшие заработать не стремятся к включению в принимающее сообщество, наоборот, зачастую ведут себя закрыто и обособленно. Вторая группа мигрантов — те, кто планирует обосноваться в российских регионах. Они стремятся включиться в региональный социум, в том числе за счет изучения и совершенствования русского языка.

Диаспоры, сохраняя собственные культурные традиции, обычаи и язык, играют роль своеобразных переходных площадок, способствующих «мягкому» вхождению мигрантов в новые социальные реалии, в новую культурную среду. Находясь

на территории «чужой» страны («чужого региона»), при постоянных контактах с носителями иной культуры (чуждыми ценностями, обычаями, нравами и нормами), диаспоры ставят перед собой цель сохранения своей культуры и воспитания детей в соответствии с многовековыми традициями. Этому способствуют национальные школы (или классы, позволяющие выучить родной язык и знакомящие детей с культурой и обычаями их предков), организованные национальными общинами в регионе, кружки художественной самодеятельности, на которых обучают, например, национальным танцам и секретам национальной кухни.

Кроме того, диаспоры и этнические землячества проводят праздники национальных культур. Их основной целью является знакомство местных жителей с культурами других народов, преодоление отчужденности, борьба со стереотипами, существующими в обществе. Все это свидетельствует об отчетливой тенденции задействовать конструктивистскую идентификационную стратегию, формирующую открытые этнокультурные сообщества, ориентированные на позитивные межэтнические отношения с принимающим обществом.

Принято считать, что национальные общины оказывают помощь своим землякам по оформлению разного рода документов, по вопросам временного размещения и поиска жилья, знакомства с нормами, культурой и традициями принимающего общества. Итоги проведенного нами исследования показали, что большинство представителей этнических групп — внешних и внутренних мигрантов — по вопросам поиска жилья и работы чаще обращаются к семье, родственникам и друзьям, уже живущим в регионе, не участвующим в жизни национально-культурных объединений, не включенным в деятельность (общественную, экономическую) диаспоры или землячества своей этнической группы. Они относят себя к диаспоре или землячеству только за счет самоидентификации себя со своей этнической группой (в основном через национальный язык, культуру, традиции и страну/республику исхода), что и составляет суть реализации конструктивистской идентификационной стратегии. Данные опросов свидетельствуют, что в большей степени это характерно для узбеков, таджиков и киргизов. Эти этнические группы связывают свое пребывание на территории Нижегородского области с возможностью заработать, даже если они видят данный субъект в качестве постоянного места жительства. В целом приволжскую прогностическую региональную модель межнациональных отношений характеризует наличие диаспор, внутренняя общность которых базируется на конструктивистской идентификационной стратегии.

Особенность принимающего населения в рамках приволжской региональной модели состоит в том, что оно сформировало поликультурную, но максимально интегрированную на основе русских культурных стандартов среду, которую можно обозначить как исторически сложившийся механизм эффективной интеграции инокультурных новаций, что в целом обеспечивает позитивный прогноз развития межэтнических отношений. Риски негативных сценариев развития межэтнических отношений могут быть связаны, во-первых, с разрастанием процессов этнизации среди русского населения региона, замещением русского национального самосознания (предполагающего представления об открытой для инокультурных включений социальной среде) на русское этническое само-

сознание (то есть внутренне закрытое для стороннего членства не по «крови»). Это может существенно снизить интеграционный потенциал принимающей среды в целом, спровоцирует противостояние с другими этническими субъектами этой среды, и с миграционными сообществами в том числе. Высокие риски негативных сценариев развития межэтнических отношений обусловлены также наличием в открытой для взаимного влияния и вхождения полиэтнической среде регионов закрытых извне этнических групп, конкурирующих с представителями принимающего сообщества.

Приволжская модель межэтнических отношений с незначительными вариациями применима и для анализа межнациональной ситуации во всех регионах Приволжья, а также ряда регионов центральной России с аналогичными экономическими показателями.

Сходство всех трех этнокультурных моделей — в наличии в рассматриваемых регионах внутренне консолидированных на основе примордиалистской идентификационной стратегии северокавказских землячеств, для которых ценность членства в этой группе является гораздо большей ценностью, дает больше экономических и других социальных преференций, чем включенность в принимающее сообщество.

2. Этнические модели адаптации и интеграции мигрантов в принимающие среды

В рамках исследования был проведен анализ ответов респондентов, представляющих отдельные этнические группы, а также выявлены факторы, оказывающие влияние на успешность процесса адаптации мигрантов в принимающие среды с учетом существующей региональной специфики. Составляющие, характеризующиеся высокой степенью ситуативности, были исключены из аналитической модели как неустойчивые. Для каждого из регионов опроса были разработаны этнические карты, обобщение которых позволило выявить некие устойчивые тренды, проявляющиеся вне зависимости от специфики принимающего региона.

В качестве базисных составляющих для анализа процесса адаптации представителей различных этнических групп в социум были выделены следующие ключевые характеристики принимающих сред:

— *Оказание содействия в процессе адаптации диаспорами/землячествами в принимающем социуме*

При анализе характеристик принимающей среды по данной характеристике учитывались такие факторы, как наличие или отсутствие формально зарегистрированной или неформальной организации, оказывающей помощь представителям этнической группы, степень сплоченности и масштабность организации, активность участия диаспоры/землячества в решении возникающих у представителей группы проблем.

— *Наличие проблем, затрудняющих процесс адаптации и интеграции*

Характеристика носит обобщенный характер и отражает общее субъективное восприятие представителями группы информационного фона и состояния общественного мнения, формирующих барьеры для успешной интеграции представителей этнических групп в социальные среды.

— *Общий уровень межэтнической напряженности*

Отражает общий уровень межнациональных отношений, наличие или отсутствие межнациональных и межконфессиональных конфликтов в принимающих средах как определяющее потенциал для успешной интеграции этнических мигрантов.

— *Наличие проблем во взаимодействии с силовыми структурами/ региональными органами власти*

Показывает выражаемое в реальных действиях отношение работников правоохранительных органов и региональных органов власти к представителям отдельных этнических групп (в том числе наличие или отсутствие дискриминационных проявлений в отношении к анализируемым группам).

— *Представленность этнической группы в органах власти и силовых структурах*

Доступ к представительству во властных и силовых структурах, а также уровень представительства этнических мигрантов в них рассматриваются как один из косвенных факторов обеспечения прав этнической группы в социуме.

— *Возможности для трудоустройства/ наличие четко выделенных сегментов экономической деятельности*

Наличие или отсутствие ниш этнической занятости выступает в качестве одного из условий, повышающих потенциал успешного трудоустройства и самореализации представителей этнической группы. В рамках направления проверялась гипотеза наличия устойчивых сфер этнической занятости, воспроизводимых в сетевом формате на межрегиональном уровне.

— *Наличие культурных центров/ организованных форм воспроизводства национальной (этнической) культуры*

Характеристика отражает наличие в принимающих регионах устойчивых организованных форм для воспроизводства культурно-ценностных этнических (национальных) систем.

— *Естественное и механическое движение групп*

Степень устойчивости представителей группы и активность миграционных перемещений ее представителей (приток и отток новых членов).

— **Адаптация и интеграция представителей этнических диаспор**

При обобщении информации о процессе интеграции и адаптации отдельных этнических групп в анализируемых регионах были сформированы этнические карты, отражающие условия принимающей среды и типовые модели реагирования этнических групп к этим объективным реалиям.

Подход к анализу может быть проиллюстрирован на примере одной из этнических групп — азербайджанцев. Для этой этнической группы типично образование диаспор, отличающихся в большинстве случаев высоким уровнем сплоченности и осуществляющих поддержку своих членов. Однако ключевые форматы поддержки со стороны диаспор не связаны с оказанием помощи при трудоустройстве — в анализируемых регионах отсутствуют четко функционирующие механизмы интеграции представителей группы на рынке труда. При этом азербайджанцы как этническая группа отличаются низким уровнем конфликтности и высоким интеграционным потенциалом.

Таблица 1. Сводная аналитическая модель факторов адаптации представителей диаспор (на примере азербайджанской диаспоры) с учетом характеристик принимающей среды

	ЯНАО	ХМАО	Юг Тюменской области	Краснодарский край и Республика Адыгея	Нижегородская область
Наличие и степень сплоченности диаспоры	Диаспора, высокий уровень сплоченности	Диаспора, связи между представителями группы выстраиваются ситуативно	Диаспора, связи между представителями группы выстраиваются ситуативно	Диаспора, высокий уровень сплоченности	Диаспора, высокий уровень сплоченности
Проблемное поле	Материальные проблемы	Культурная дистанция во взаимодействии с другими группами	Негативный информационный фон — настороженное отношение населения к приверженцам ислама	Восприятие действий РОИВ как обеспечивающих неравные условия для воспроизводства культур разных этносов	Отсутствие организованных форм поддержки на этапе трудоустройства
Уровень конфликтности	Отсутствие межнациональных конфликтов, открытость группы (позитивное отношение к межнациональным бракам)	Высокий уровень межнациональной напряженности в принимающей среде, нейтральное отношение к межнациональным бракам	Толерантные отношения при воспроизводстве традиционно настороженного отношения к отдельным этническим группам, нейтральное отношение к межнациональным бракам	Восприятие положения группы как дискриминируемой (выделение в качестве «привилегированной» группы казаков)	Позитивные отношения с другими группами, нейтральное отношение к межнациональным бракам
Характер взаимодействия с РОИВ	Отсутствие проблем во взаимодействии с РОИВ	Отсутствие проблем во взаимодействии с РОИВ	Отсутствие проблем во взаимодействии с РОИВ		Отсутствие проблем во взаимодействии с РОИВ
Характер взаимодействия с правоохранительными органами	Предвзятое отношение со стороны правоохранительных органов	Отсутствие проблем во взаимодействии с правоохранительными органами	Предвзятое отношение со стороны правоохранительных органов	Отсутствие проблем во взаимодействии с правоохранительными органами	Отсутствие проблем во взаимодействии с правоохранительными органами
Представленность в органах власти и силовых структурах	Не представлены в гос. органах и силовых структурах (отсутствие желания)	Не представлены в гос. органах и силовых структурах	Представлены в гос. органах и силовых структурах	Представлены в гос. органах и силовых структурах (низовые позиции)	Представлены в гос. органах и силовых структурах
Барьеры при трудоустройстве	Барьеры при трудоустройстве	Барьеры при трудоустройстве	Барьеры при трудоустройстве	Барьеры при трудоустройстве	Нет барьеров при трудоустройстве
Возможности для воспроизводства этнической культуры	Нет культурных центров	Нет культурных центров	Нет культурных центров	Отсутствие возможностей для изучения языка, отсутствие государственных форм поддержки диаспоры	Отсутствие информации

К ключевым факторам, осложняющим процесс интеграции, можно отнести негативный информационный фон (в том числе — формирующий барьеры для трудоустройства), а также болезненное отношение к отсутствию институциональных форм поддержки и воспроизводства национальной культуры. Представленность в правоохранительных органах или властных структурах не отражается на успешности индивидуальных стратегий адаптации членов группы.

В ходе анализа были выделены устойчивые факторы, присущие адаптационным моделям каждой из анализируемых этнических групп.

Таблица 2 (1). Сводная аналитическая модель факторов адаптации представителей диаспор с учетом характеристик принимающей среды

Факторы адаптации	Азербайджанцы	Украинцы	Армяне	Таджики	Казахи
Оказание содействия в процессе адаптации диаспорой/землячеством в принимающем социуме	+	+/-	+	+/-	+
Наличие проблем, затрудняющих процесс адаптации	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-
Общий уровень межэтнической напряженности	+/-	-	+/-	-	-
Наличие проблем во взаимодействии с силовыми структурами / РОИВ	+/-	+/-	+/-	-	+/-
Представленность этнической группы в органах власти и силовых структурах	+/-	+	+	+/-	+
Возможности для трудоустройства / наличие четко выделенных сегментов экономической деятельности	+/-	+/-	+/-	-	+/-
Наличие культурных центров / организованных форм воспроизводства национальной (этнической) культуры	+	+/-	+	+/-	+
Естественное и механическое движение групп	-	+	+/-	-	-

К числу наиболее проблемных можно отнести группы этнических мигрантов из Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Именно они в силу высокой социальной дистанции с доминирующими в принимающих средах этносами и низкого уровня сплоченности интегрируются менее успешно. Для представителей данных групп характерно наличие проблем с властными структурами и правоохранительными органами, а также сложности с трудоустройством. Следствием разобщенности и слабой интегрированности в социум являются высокая чувствительность к связанным с процедурами получения/подтверждения формального статуса корруп-

ционным проявлениям (жертвами которых становятся представители данных этнических групп), а также значимое расслоение по уровню жизни внутри группы.

Таблица 2 (2). **Сводная аналитическая модель факторов адаптации представителей диаспор с учетом характеристик принимающей среды**

Факторы адаптации	Киргизы	Узбеки	Татары	Греки	Курды	Грузины
Оказание содействия в процессе адаптации диаспорой/землячеством в принимающем социуме	+/-	+/-	+/-	+/-	+	+/-
Наличие проблем, затрудняющих процесс адаптации	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-
Общий уровень межэтнической напряженности	-	-	+/-	+	-	+/-
Наличие проблем во взаимодействии с силовыми структурами / РОИВ	-	-	+/-	+/-	+/-	+/-
Представленность этнической группы в органах власти и силовых структурах	+/-	+/-	+	+	+/-	+/-
Возможности для трудоустройства / наличие четко выделенных сегментов экономической деятельности	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-
Наличие культурных центров / организованных форм воспроизводства национальной (этнической) культуры	+/-	+/-	+	+	+/-	+/-
Естественное и механическое движение групп	-	-	+/-	-	-	-

Разобщенность может рассматриваться в качестве ключевого фактора, оказывающего негативное влияние на процесс адаптации. Качество информационного фона и отношение представителей принимающего социума указывались в числе значимых проблем, затрудняющих адаптацию и представителями армянской и азербайджанской диаспорных групп, языковые различия между членами диаспор и доминирующими группами принимающего социума также негативно отражаются на интеграционных процессах. Однако за счет тесных внутригрупповых связей в диаспорах армян, азербайджанцев, казаков обеспечивается как возможность для воспроизводства этнических культурных систем, так и благоприятные условия для поиска свободных ниш и адаптации на рынке труда, оперативного решения проблемных вопросов при взаимодействии с представителями правоохранительных органов и региональных органов исполнительной власти и т. п. Схожая адаптационная модель характерна и для татар, однако далеко не во всех

регионах татарские диаспоры представляют из себя сплоченные группы, оказывающие содействие в решении проблемных вопросов своим членам.

Таблица 3. **Факторы успешности адаптации и интеграции представителей этнических диаспор**

Диаспоры								
Армяне	Азербайджанцы	Казахи, греки	Таджики	Узбеки	Киргизы	Грузины	Украинцы	Курды
Успешная интеграция			Затрудненная интеграция			Промежуточная («догоняющая») интеграция		
Высокая сплоченность			Слабовыраженная сплоченность			Слабовыраженная сплоченность		Высокая сплоченность
Сильная роль принимающего сообщества			Межэтнические конфликты				Дестабилизация диаспоры с приездом беженцев	Сильная роль принимающего сообщества
Доступ к власти и силовым структурам			Напряженность в отношениях с властью и силовыми структурами				Высокие статусные позиции	
Развитая национальная культура			Трудности трудоустройства				Межэтнические конфликты	
Негативный информационный фон Культурная дистанция Проблемы с формальным статусом (трудности с оформлением документов)		Культурная дистанция	Финансовые, культурные сложности Неравенство внутри группы Проблемы с формальным статусом (трудности с оформлением документов) Коррупция			Материальное положение (низкий уровень доходов)	Материальное положение Негативный информационный фон Расслоение группы	Неравенство внутри группы Финансовые сложности Негативный информационный фон

Успешность адаптации грузин, украинцев и курдов часто зависит от внешних факторов (не зависит от четко принятых и воспроизводимых моделей поведения). Так, в частности, реакция украинских диаспорных групп на приток беженцев из Украины в ряде регионов привела к разобщению этнической группы, отторжению вновь прибывших со стороны укоренившихся на территориях постоянного проживания украинцев.

— Процесс адаптации и интеграции представителей землячеств

Применение аналогичного принципа анализа к изучению моделей интеграции в принимающий социум представителей землячеств с четко выраженной этнической самоидентификацией также позволило выявить закономерности, присущие отдельным этническим группам.

Таблица 4. Сводная аналитическая модель факторов адаптации представителей этнических землячеств с учетом характеристик принимающей среды

	Дагестанцы	Чуваши	Чеченцы	Адыгейцы
Оказание содействия в процессе адаптации диаспорой/землячеством в принимающем социуме	+	+/-	+	+/-
Наличие проблем, затрудняющих процесс адаптации	+/-	+/-	+/-	+/-
Общий уровень межэтнической напряженности	-	-	-	+/-
Наличие проблем во взаимодействии с силовыми структурами /РОИВ	-	+/-	+/-	-
Представленность этнической группы в органах власти и силовых структурах	+/-	+/-	+	+
Возможности для трудоустройства / наличие четко выделенных сегментов экономической деятельности	+/-	+/-	+/-	+/-
Наличие культурных центров / организованных форм воспроизводства национальной (этнической) культуры	+/-	+/-	+/-	+/-
Естественное и механическое движение групп	-	-	-	-

Как для дагестанцев, чеченцев, так и для чувашей характерен высокий уровень конфликтности и противопоставление себя доминирующим этническим группам в принимающем социуме. При этом следует учитывать, что на восприятие ситуации представителями данных этнических групп оказывает влияние их гражданская идентичность. Однако если успешность интеграционных процессов для дагестанцев и чеченцев обеспечивается за счет получения поддержки со стороны сплоченных земляческих общин, то для чувашей характерна более низкая степень самоорганизации.

Для землячеств, в силу наличия устойчивых разветвленных региональных связей и поддержания коммуникаций с проживающими в регионах исхода, характерно стремление к сохранению этнокультурной самобытности и наличие ожиданий, связанных с получением от региональных органов власти институциональных форм поддержки национальных языков и культуры в регионах компактного проживания. В случае отсутствия таковых в группах с высоким уровнем сплоченности включаются механизмы воспроизводства базовых элементов культур на уровне групп, в то время как, например, для чувашей высок риск утраты базовых черт национальной культуры при погружении в другие национальные среды.

При высоком уровне сплоченности в землячествах, имеющих опыт длительного проживания на отдельных территориях, наблюдается тенденция к расслоению по материальному признаку и, в перспективе, к рискам ослабления степени внутригрупповых связей и возможностей для успешного осуществления данными группами интеграционных функций для вновь прибывающих членов.

Особый статус представителей землячеств обеспечивает возможность получения доступа к высоким позициям во властных и силовых структурах (что, однако, не приводит к сокращению социальной дистанции между представителями этих групп и принимающей средой).

Таблица 5. **Факторы успешности адаптации и интеграции представителей этнических землячеств**

Землячества				
Татары	Чеченцы	Дагестанцы	Адыгейцы	Чуваши
Успешная интеграция	Промежуточная («догоняющая») интеграция			
Высокая сплоченность				Средний уровень сплоченности
Доступ к власти и силовым структурам Высокие статусные позиции		Неустойчивые отношения с властью и силовыми структурами	Доступ к власти и силовым структурам, высокие статусные позиции	
Низкий уровень конфликтности	Межэтнические конфликты			
Развитая национальная культура	Воспроизводство культуры на уровне внутригрупповых норм и посредством различных форм самоорганизации			Сложности воспроизводства культуры
Материальные трудности, неравенство — расслоение внутри группы	Материальные трудности, неравенство — расслоение внутри группы, культурная дистанция, проблемное трудоустройство, негативный информационный фон		Недостаточность институциональных форм поддержки, неравенство — расслоение внутри группы	Материальные трудности, сложности трудоустройства

Активная внешняя и внутренняя (межрегиональная) трудовая миграция эффективно воспроизводит конкурентно-конфликтную среду за выживание в межнациональных отношениях.

Решение задачи по прогнозированию и предотвращению межнациональных и межконфессиональных конфликтов на отдельных территориях, достижение стратегически значимой цели укрепления единства российской нации обуславливает необходимость реализации национальной политики с учетом интеграционного потенциала диаспор и землячеств как активных субъектов общественной жизни. При этом запросы отдельных этнических групп, связанные с развитием институциональных форм поддержки этнических культур, могут быть удовлетворены посредством стимулирования деятельности формально зарегистрированных национально-культурных организаций и объединений. Потребность в успешной адаптации новых представителей этнических групп (в том числе трудовых ми-

грантов) на региональных рынках труда может быть удовлетворена посредством развития социального предпринимательства, связанного с предоставлением помощи в трудоустройстве, оказанием правовой и информационной поддержки мигрантам.

Четкое понимание региональными органами власти особенностей внутри-групповой организации и динамики отношений в этнических диаспорах и землячествах — важное условие эффективной реализации национальной политики, направленной на стирание демаркационных границ между группами и обеспечивающей взаимопроникновение этнических культур.

Список литературы (References)

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука. 1983.

Bromley Y. V. (1983) *Essays on the Theory of Ethnos*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Воронов В. В., Дмитриев А. В. Региональные проблемы диаспорно-земляческих сообществ: экспертное измерение. М.: Новый Хронограф. 2016.

Voronov V. V., Dmitriev A. V. (2016) *Regional Problems of Diaspora and Ethnic Communities: Expert Measurement*. Moscow: Novyy Khronograf. (In Russ.)

Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / под ред. В. С. Магуна, Л. М. Дробижевой, И. М. Кузнецова. М.: Ин-т социологии РАН, 2006.

Civil, Ethnic and Religious Identities in Modern Russia. (2006) Ed. by Magun V. S., Drobizheva L. M., Kuznetsova I. M. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Кузнецов И. М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 58—80.

Kuznetsov I. M. (2017) *Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of the State of Interethnic Relations*. In: *Mir Rossii* Vol. 26. No.1. P. 58—80. (In Russ.)

Маликова Г. Историко-правовые вопросы развития института махалли [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://ia-centr.ru/experts/gulchekhira-malikova/istoriko-pravovye-voprosy-razvitiya-instituta-makhalli/> (дата доступа: 07.07.2017).

Malikova G. (2017) *Historical and Legal Issues of the Development of the Mahallah Institute*. Available at: <https://ia-centr.ru/experts/gulchekhira-malikova/istoriko-pravovye-voprosy-razvitiya-instituta-makhalli/> (accessed 7 July 2017). (In Russ.)

Савва М. В. Этнический статус: Конфликтолог. анализ социал. феномена / Кубан. гос. ун-т. Краснодар. 1997.

Savva M. V. (1997) *Ethnic Status: Conflictologist. Analysis of Social Phenomenon*, Krasnodar: Kuban State University. (In Russ.)

Тишков В. А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе. Вопросы философии. № 12. С. 3—15. 1990.

Tishkov V. A. (1990) *Social and national in the historical-anthropological perspective. Voprosy filosofii [Russian Studies in Philosophy]*. No. 12. P. 3—15. (In Russ.)

Тишков В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе. Вопросы социологии. 1993. № 1/2.

Tishkov V. A. (1993) Ethnicity, nationalism and the state in a postcommunist society. Voprosy sotsiologii. No. 1/2. (In Russ.)

Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность / Этничность и власть в полиэтнических государствах : сб. статей. М. : Наука. 1994. С. 86—116.

Yang K. (1994) Dialectic of Cultural Pluralism: Concept and Reality. In: Ethnicity and power in multi-ethnic states. Moscow: Nauka. P. 86—116. (In Russ.)

Thomas W., Znaniecki F. (1996) The Polish peasant in Europe and America: a classic work in immigration history / Ed. by Eli Zaretsky. Chicago: University of Illinois Press.